

Сергей Жмакин

Английский гамбит

16+

Сергей Жмакин
Английский гамбит

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Жмакин С.

Английский гамбит / С. Жмакин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Молодой учитель Владимир Зуев подозревает в себе удивительную, страшную способность: любой человек, которого он начинает ненавидеть, непременно умирает. Работая в деревенской школе, Зуев подвергается издевательствам со стороны учеников. Чувствуя подступающую ненависть к одному из школьников и опасаясь за его жизнь, учитель, борясь с ненавистью, старается превратить ее в любовь.

Глава 1

Дети отобедали. В углу опустевшей столовой тихо болтали и посмеивались, допивая компот, девицы из «девятого». Зуев едва донес до стола металлическую миску с огнедышащим супом и дул на пальцы.

– Утром отключили ток по всей деревне, а включили, ироды, только-только, – ворчала повариха. – На завтрак холодный кефир, на обед всё с пылу, с жару. Плиты электрические, пока нагрелись, всю душу вымотали... Вам две котлеты положить?

– Да, можно две.

У Зуева было дурное настроение, и голод мучал, даже подташнивало. Сегодня Владимир Андреевич не завтракал – у него кончился хлеб. Хотел попросить у бабы Фроси, а она спозаранку куда-то запропастилась. Зуев отправился на работу пораньше, надеясь поесть в школьной столовой, но там было тесно от жующей ребятни, слышались окрики воспитателя, и он, застыдившись, поднялся в класс с неприятной пустотой в желудке.

Владимир Андреевич осторожно хлебал картофельный суп, подолгу дуя на ложку, и с горечью думал, что сегодня, кажется, его обозвали крысой. Когда он шагал по коридору в учительскую сквозь гулкую разноголосицу перемены, за его спиной злобно произнесли: «Вон крыса, крыса идет!». Словно плетью меж лопаток стегнули. Но, может, это не о нём? Он не посмел оглянуться и теперь каялся. В учительской, поправляя перед зеркалом галстук, Владимир Андреевич взгляделся в свое лицо и не нашел ничего крысиного. Короткая рыжеватая борода, которую Зуев отпустил, чтобы казаться постарше, придавала его внешности оттенок благородной интеллигентности. Какая там к черту крыса!

Дверь вздрогнула, кто-то сунулся было в столовую из школьного коридора, но кто – Зуев заметить не успел. Дверь прикрыли, оставив щелку. Владимир Андреевич выловил в супе мясо. Кусок был великоват, поэтому Зуев попытался ребром ложки развалить его пополам. Ложка соскользнула, звякнув о дно миски, суп взволновался и немножко выплеснулся на стол. Угораздило! Чуть костюм не забрызгал. Зуев ломтиком хлеба промокнул лужицу. За дверью хихикнули. Владимир Андреевич удивился и, оставив мясо в покое, продолжал медленно есть суп.

– Вот из ё нейм? – спросил кто-то сквозь щелку противным гнусавым голосом.

Зуев понял, что обращаются к нему. От раскаленной миски дыхнуло жаром. Владимиру Андреевичу стало тесно в пиджаке.

– Хау ду ю ду! Эй, ты, чмошник! – изгалялся гнусавый голос.

Повариха в недрах кухни гремела кастрюлями. Зуев покосился в угол – девицы с насмешливым любопытством наблюдали за ним. Они еще плохо знали характер Владимира Андреевича, им было интересно, что он сейчас сделает. Зуев спокойно вынул из кармана платок, обтер лоб. Если ему внезапно вскочить и гепардом прыгнуть к двери, он тогда успеет пусть не поймать, хотя бы увидеть этого гнусавого. Но со стороны его прыжок будет выглядеть смешно, потом вся школа примет к сведению, какие забавные штуки вытворяет «англичанин», если его довести до белого каления. Унимая дрожь в руках, Зуев отодвинул дурацкую миску, взял вилку и принялся за котлеты с пшенной кашей.

– Во наворачивает! Молоде-е-ец! Давай, давай, мечи почаще.

В углу раздался девичий хохоток. Ого, это уже слишком! Зуев порывисто встал, перешагнул через скамейку. Распахнув дверь, услышал в пустынном коридоре эхо от резвого топота. С каменным лицом Зуев вернулся на место. Appetit пропал, но Владимир Андреевич заставил себя продолжить трапезу – пусть имеют в виду: он на провокации не поддается.

Девицы убежали в интернат. Зуев ковырял котлету. «За что? – думал он в мрачной отрешенности. – Разве я в чем-то виноват?»

Дверь скрипнула.

– Хе-хе, гоу ту ээ блэкбод! – донеслось через щель. – Хватит кушать, рожа треснет. Стэнд ап! Шнель, шнель!

Зуева подбросило, и через мгновение он несся по коридору, выкладываясь, будто на сто- метровке. «Зашибу-у гада», – стонал он, стиснув зубы. Владимир Андреевич успел заметить, или ему почудилось, как кто-то метнулся в дверной проем, где была лестница на второй этаж. Взлетев по лестнице, он увидел мальчика, который одиноко стоял у окна и что-то высматривал внизу, уткнувшись лбом в стекло. Зуев подскочил к нему, схватил за шуплые плечи, рывком повернул к себе. Это был Дёмин из «седьмого» – разгильдяй и двоечник. Испуганно отшатнувшись, он выставил локоть.

– Чего вы? Чего? – хриловато спросил он и попытался вырваться.

– Ты почему, а? Почему, подлец, так делаешь? – тряс его Владимир Андреевич. – Ты же как последний подонок! Понимаешь?

– А я, что ли? Я? Откуда вы знаете? Может, не я!

«Вдруг не он?» – мелькнуло у Зуева.

– Врешь! – крикнул он. – Даже не покраснеешь, наглец. Ты только что от меня убежал, ишь как запыхался!

– Ха, я чего от вас-то забегал? Меня девки ловят, думают, что это я пудреницу у них украл... Отпустите, больно ведь!

Владимир Андреевич разжал побелевшие пальцы.

– Почему же ты меня испугался? – раздраженно и недоверчиво спросил он.

– Не фигу себе! – Дёмин, морщась, мял плечо. – Вы налетели, как ястреб, я аж вздрогнул... А чего случилось-то?

– Ничего. У тебя совесть есть?

– При чем тут я? Чуть что, на меня все шишки.

– Ну-ка, пойдём, покажешь, кто за тобой гоняется.

Когда они спустились по лестнице, сзади на Дёмина с визгом напали пигалицы из «седьмого».

– Ага, попался! Отдавай, отдавай сейчас же!

Дёмин было рванулся, но они повисли у него на руках, а девочка покрупнее других взяла в горсть его растрепанную чёлку.

– Отдашь?

– Пусти, эсэсовка! Владимир Андреевич, чего они издеваются?

– Хватит баловаться, – хмуро выдавил Зуев.

– Он пудреницу своровал. Отдай, Дёмин, а то хуже будет.

– Отпустите сначала.

– Ага, ты убежишь.

– Не убегу. Она у меня не с собой, я её спрятал. Ладно уж.

Зуев остался один. Он вернулся в столовую, выпил остывший компот и отнес посуду на мойку.

– Плохо покушали, – сказал повариха. – Или не вкусно?

Глава 2

Когда глаза уставали читать, Зуев поворачивался в кровати на бок и смотрел в окно. Он видел часть огорода с замерзшими голыми грядками, и за ветхой изгородью – обтрепанный клен. Когда Владимира Андреевича определили на постой к бабе Фросе, дерево свети-лось золотой листвой. В деревню Зуев прибыл с опозданием. Прабабушка вся исстрадалась, в общагу прибежала: «Не пуцу в армию! Смерти моей хочешь?» Читала ему статьи об ужасах дедовщины. Зуев и без нее много чего уже знал. Но думал: это же не везде так, кому-то про-сто не повезло, а ему повезет. Но потом прабабушка устроила ему встречу с родственником подружки, который недавно дембельнулся. Парнишка, ударившись в воспоминания, со сме-хом рассказывал, как в начале службы подговаривал «салабонов» к восстанию против «дедов». Но кто-то «дедам» стуканул, заговор был раскрыт, и бунт был подавлен в зародыше – реши-

тельно и жестоко. «Главное, полгода продержаться, а там новый призыв придет, сам будешь куражиться».

За деревом, на котором плясали под ветром редкие, обмороженные листья, стояла на развилке улиц краснокирпичная разоренная церковь. Темные стены её были исковырены, побиты временем и поколениями деревенских пацанов. Тупой разломанной верхушкой уткнулась в небо колокольня.

– Зачем я здесь? – спрашивал Зуев.

Церковь угрюмо молчала.

Глава 3

Подозрение влезло в душу Зуева, когда умер одноклассник Кудяшин. На уроке географии они сидели на последней парте и потихоньку играли в «секу» – по пяточку и в долг, чтобы не звякать мелочью. Зуеву в тот день везло в карты, масть шла за мастью, и к звонку хмурый Кудяшин был должен триста рубля. При себе у него таких денег не набралось, пообещал отдать потом. Это «потом» затянулось. Зуев всегда честно платил карточные долги, и его задело, что Кудяшин не отдает. В задымленном школьном туалете, где Зуев в очередной раз напомнил про трёшку, Кудяшин вдруг сильно толкнул его в грудь и прошипел: «Деньги? Какие деньги? Я у тебя их брал?» Кудяшин был парень крепкий, и дружки его курили рядом. Посрамленный, Зуев молча ушел. Казалось, у него сердце разорвётся от приступа ненависти. Ночью ему не спалось, хотелось плакать.

Месяц спустя морозным утром дворник нашел Кудяшина на тротуаре мертвым. Пьяный, он упал с крыши девятиэтажки. Зачем он туда забрался, сам прыгнул или его столкнули, для следствия так и осталось тайной. Зуев с ребятами ездил в морг. Посреди голой комнаты стоял красный гроб. Из-под покрывала торчали новые неношенные ботинки. Безликая старая женщина отогнула в изголовье гроба белую капроновую кисею, и Зуев увидел Кудяшина, строго и задумчивого. Чернела знакомая полоска усов, меж бледных губ холодно блестя зубы, плотно закрытые веки были большими и выпуклыми. Зуев смотрел на Кудяшина и не чувствовал жалости к нему. Страх за собственную жизнь сковал его душу. Когда гроб, накрыв крышкой, вынесли на волю, чтобы задвинуть в кузов грузовика, Зуев жадно глотал стылый воздух, прогоняя подкатившую дурноту. На похороны не пошел. «Бог его наказал», – эта злорадная мысль зудела в сознании, и невозможно было от неё отмахнуться. И лишь на другой день в школе он с ужасом вдруг понял, что Кудяшина нет и никогда не будет и никому нет до этого дела – школа всё так же копошилась: звенел звонок, учителя работали, ученики учились. Зуев вспомнил, что до эпизода в прокуренном туалете Кудяшин был парень, как парень: анекдоты умел травить, футбол любил пинать, и выпивал с ним Зуев не раз в компашках, однажды на пару веранду обрыгали в детском саду. «За что его наказал Бог? – думал Зуев, хотя не верил в Бога, как и миллионы его одногодков. – Неужели за дурацкий поступок? Лучше бы Кудяшин меня избил, только бы жив остался».

Позднее приключилось несчастье с Лидкой. Зуев барабанил в рок-группе, который летом обслуживал танцплощадку в городском парке. С волосами до плеч среди сверкающих тарелок и подсвеченных барабанов он смотрелся очень даже впечатляюще. Чувихи играли с ним в переглядки. Иная встанет у края эстрады и тарашится – вот она, бери её! Ох и любят бабы мужиков в славе! Еще в прошлом году, когда десятиклассник Зуев с приятелями таскался на танцы и был одним из толпы, чувихи плыли мимо и не оглядывались. Но стоило ему, отравив патлы, взойти на эстраду, приподнявшись таким образом над толпой метра на полтора, и сесть за ударную установку, как он превратился в «красавчика». Так называла его Лидка, когда они впервые целовались на скамейке в темной аллее. Потом случались не только поцелуи. Она приезжала к нему, когда прабабушка была на работе. Автобусная остановка находилась против его дома. Зуев стоял у окна и сквозь тюлевую занавеску, страдая от нетерпения, разглядывал людей, выходящих из автобусов. Лидка у него была первой, а он у Лидки, по её сло-

вам, – второй, девственность она потеряла на новогодней вечеринке: «пьяная напилась, ничего не помню». Получалось, что она, как бы, девушка честная, ему отдалась исключительно из-за любви, иначе ни за что бы не позволила себе такой вольности. Зуеву в то время было всё равно, какой он у Лидки по счёту – перед ним открылся долгожданный мир наслаждения. Чувственное удовольствие дополнялось удовольствием от мысли, что именно он, а никто другой держит в объятиях сказочное чудо с ангельским кукольным личиком. Правда светлая сказка омрачалась скукой, возникающей в паузах великого таинства природы. Лидка работала продавщицей в овощном магазине, и когда рассказывала про каких-то Танек и Зинок, Васек и Гришек, Зуев начинал томиться, как птица в клетке. Стал он подмечать, что Лидка сутулится. И носки ног при ходьбе она ставила немножко внутрь. «Ты зачем косолапишь? – как-то спросил Зуев, когда они шли в кино. «Мода сейчас такая», – ответила Лидка и обиделась. Вскоре он охладел к ней, потому что влюбился в красивую Олю, кассиршу с почтамта. Лидка никому не хотела его отдавать. К Ольге ходила на работу и прилюдно срамила. Её телефонные звонки мешали жить, в конце концов прабабушка Лидку всяко обматерила и послала подальше. После танцев, избегая встреч с Лидкой, Зуев, словно нинзя, крался из городского парка, прячась за кустами. Однажды вечером Лидка, напившись с горя, стояла у эстрады, курила и плевалась. Рядом подхохотывали подружки. «Эй, заяц, ты чего от меня бегаешь? – доносилось до Зуева между песнями. – Или кишка тонка?» Зуев делал вид, что не слышит, и торопился стучать счет для следующей песни. «Какой же ты дурак!» Зуев сбивался с ритма. «Чего ты, в натуре, выделяешься?» Зуев с остервенением лупил по тарелкам. «Девки, у него, поди, уже не стоит!..» Не помня себя, Зуев слетел вниз на крыльях ненависти. Лидка, кривя губы в плаче, кинулась навстречу, оплела его шею руками: «Вовочка, не бросай меня!» Он с силой оттолкнул её, она взвизгнула от боли. «Если ты еще раз, только один раз... – пробормотал он, – я убью тебя, гадина!»

Через полтора года, зимой, Лидка удавилась. По пути в институт Зуев встретил её соседа, завсегдатая танцплощадки. Этот парень и сообщил, что Лидку на днях схоронили. Померла, мол, по дури своей. Едва успела выйти замуж, как закуролесила – к дружку через дорогу стала бегать. Но случилась у них ссора, Людка выбежала на ограду, заперлась в сарайке и повесилась на бельевом шнуре. Перепуганный любовник и парень-сосед вынули Лидку из петли, погрузили на тележку, на которой возят флягу с водой, и повезли... Куда, зачем повезли, ослабевший Лунин не дослушал, попрощался и побрел на занятия. Он ясно представил мертвую Лидку, скрюченную на маленькой деревянной тележке, неестественно вывернутые ноги, руки, бескровное лицо, быть может, со страшным выражением... Он звал на помощь память и внимательно вглядывался в лицо другое – блаженно запрокинутое, в сладостном румянце, с таинственным мерцанием глаз под густыми ресницами. Вновь он погружался в обморочную теплоту её рта, вновь гладил шелковистую кожу её живота и бедер, вновь ласкал ладонью нежные подушечки груди. «Я не виноват, – говорил он Лидке. – Ты сама меня вынудила, довела до белого каления». Он целовал её губы, но они обжигали смертным холодом. Мертвая Лидка катила на скрипучей тележке по утопанному льдистому снегу.

Еще был случай с Журавлёвым. С институтской агитбригадой путешествовал Зуев в уборочную страду по деревням и сёлам. Весёлое было времечко! Хорошо сидеть в автобусе среди однокашников и однокашниц, горланить под гитару разудалые песни, глазеть в окно на цветастый сентябрьский лес! Днём запасались водочкой, перед концертом употребляли по сто граммов для вдохновения, а после прощальных аплодисментов балдёж кипел до поздней ночи в районной гостинице или в лесу у костра. Приятно выступать перед деревенской публикой – народ тёмный, «никого не понимает». Дома культуры и клубы полнэхоньки, и чувствовал себя Зуев за барабанами чуть ли не Ринго Старром. И всё бы было замечательно: и то, что вместо трудоёмких сельхозработ Зуев легко и непринужденно нес культуру в массы, и то, с каким очарованием у него завязывался роман с фигуристой танцовщицей. Но портил Зуеву чудную картину балдёжной агитбригадовской жизни студент по фамилии Журавлёв. Играя

на бас-гитаре, он лажал немилосердно, и сколько на репетициях с ним не бились – всё бесполезно. На концерте как бухнет поперёк – у Зуева руки дрожат от возмущения. Понимая, что Журавлёв, которому слон на ухо наступил, в общем-то, выручает коллектив – слава Богу, хоть такой бас-гитарист нашёлся, Зуев, однако, испытывал к нему неодолимую неприязнь. Журавлёв был малый невзрачный и молчаливый, даже когда он под мухой – слова из него не выдашь. «Убогонький», – раздражался Зуев. Держался Журавлёв скромно. «Мог бы быть еще скромней, а то при своей-то убогости выгибается на сцене перед публикой – смотреть тошно». Под шкуру Журавлёв никому не лез, гадостей не делал. «Во время еды жуёт противно, аппетит портит». Борясь с раздражением, Зуев недоумевал: «Что плохого сотворил мне этот человек? Наверное, если бы он был большой, сильный и наглый, я бы к нему приспособился, и он бы меня не нервировал. А тут вижу: парень ни то, ни сё, вот и куражусь...». Чтобы не натворить глупостей, он держался от Журавлёва подальше. Но под занавес гастролей произошло то, чего Зуев боялся. Коллектив решил запечатлеться на память в райцентровской «Фотографии». Зуев бегал за сигаретами в продмаг и опоздал, ребята уже выстроились перед трехногим аппаратом, ждали его одного. Фотограф поставил его во втором ряду и с краю, что Зуеву очень не понравилось. На концертах он с барабанами был всегда в центре, а здесь выходило, что он, как бы, с боку-припёку. Пока фотограф нацеливался, Зуев попытался избежать постыдного увековечения крайним. Рядом стоял Журавлёв. «Местами поменяемся? – прошептал Зуев и потянул его за рукав. – Давай, давай быстренько!» Но Журавлёв вдруг отдернул руку. «Куда лезешь?» – сказал он. «Поменяемся», – повторил Зуев, чувствуя, как бешенство закипает в нем. «Нет», – сказал Журавлёв. «Внимание! Не моргать!» – объявил фотограф. «Чудак же ты», – тихо выдавил Зуев и уставился в радужный глаз объектива. Зуев плохо получился на том снимке – лицо его было неузнаваемо злым и надменным. В те секунды, когда мигала вспышка, Зуев сжимал за спиной кулаки, ненавидя Журавлёва каждой клеточкой своего организма. Только потом, когда вышли на улицу, и его освежил промозглый ветерок, Зуев опомнился, и ему стало страшно. «Может, еще не поздно? Я извинюсь, и обойдется», – с болезненным предчувствием подумал он. Все шагали к автобусу. Зуев догнал Журавлёва и шел рядом, не решаясь взглянуть на него и заговорить. Кто-то спросил: «Володька, что с тобой? Ты бледный, как смерть». На Зуева обратили внимание, он, смешавшись, криво усмехнулся: «Перекурил, наверное». Журавлёв забрался в автобус, Зуев последовал за ним и, усевшись на свое место, лихорадочно соображал, что же делать. «Послушай, старина...» – наконец начал он. Журавлёв внезапно поднялся и молча, не оборачиваясь, вышел из автобуса.

Весной Журавлёв бросил институт, его забрали в армию. Там он и погиб спустя полгода при исполнении.

Глава 4

Утром Зуев, по обыкновению, был разбужен бабой Фросей. Она бухала входной дверью, гремела, стучала чем-то на кухне, ходила, громко скрипя половицами, по комнате, в которой лежал на узкой кровати Владимир Андреевич. Предрассветно синели окошки. Пахло дымком от свежерастопленной печи. Подтянув колени к груди и сложив под щекой ладони лодочкой, как в детстве, Зуев нежилась под одеялом. «Так бы и пролежал всю жизнь». Ему пришло в голову, что неприятности в школе возникают от его дурного настроения. Дети чутко улавливают, когда он злится, им это, естественно, не нравится, и они мстят. Нужно быть неизменно приветливым, корректным, н е п р о б и в а е м ы м для издевательств, и детям будет неинтересно заводить Владимира Андреевича. Вот он тогда бросился догонять «гнусавого» и – напрасно, нужно было сдержаться и спокойно докушать. Дети, по причине малого возраста, – люди недоразвитые и многого недопонимают, поэтому надо уметь им прощать.

Так он мысленно рассуждал, пока, сунув босые ноги в зимние ботинки и накинув пальто, бегал в заснеженный огород отметить в тесном щелястом домике, пока чистил зубы и умывался над облезлым рукомойником в кухне, пока ел консервированного минтая в томатном

соусе. Чисто выбритый и наодеколоненный, он шествовал по главной улице деревни с объемистым портфелем, туго набитым проверенными тетрадами, и мир вокруг сиял светом простых и верных умозаключений. «Здравствуйте», – вежливо говорили Зуеву встречные незнакомые люди. «Здравствуйте», – солидно, с удовольствием кивал он, утверждаясь в себе еще больше. «Здравствуйте, Владимир Андреевич!» – Его обгоняла школьная ребятня. «Доброе утро!» – откликнулся Зуев, провожая детей снисходительным взором.

Улица круто сворачивала возле длинного бревенчатого барака – старого здания школы, теперь интерната, где до выходных жили ученики из ближних деревушек. Зуев сошел с дороги в глубокую тропинку, протоптанную вдоль трухлявого штакетника, за которым трепыхался под ветром чахлый школьный сад. Голые прутья акаций сухо перещелкивались меж собой, с корявых кленов, вертясь, падали на мерзлый снег желтые «вертолетики». Иссохшие, в трещинах, темные бревна барака напоминали Владимиру Андреевичу о вечности. Испокон веков между учителем и учениками нет мира, почему же он, Зуев, должен быть исключением? Раз уж угораздило попасть в педагоги, смири гордыню и терпи. Не обижайся на малолетних недоумков, вспомни, как сам в их возрасте идиотничал. Из рогатки по лампочкам в классе стрелял? Стрелял. Короткое замыкание гнутым гвоздем в розетке делал? Делал. Доску свечкой натирал, чтобы мел скользил? Натирал. Магниевую бомбочку замедленного действия приспособивал за распахнутым окном в теплый майский день? Помнишь, как шарахнуло, и историчка в истерике выбежала из класса? Помнишь. Кнопки на учительский стул подкладывал? Подкладывал. Пьяным на уроки приходил? Было и такое. Тогда получите, Владимир Андреевич, и распишитесь.

Сквозь черную паутину яблоневых веток завиднелось двухэтажное кирпичное здание. Обогнув интернат, Зуев вошел в школьный двор, наполовину перегороженный хоккейным кортом. У парадного входа, несмотря на морозец, бегали налегке – без пальто и шапок – дуралеи-пацаны. Непроницаемыми окнами школа недобро наблюдала за Владимиром Андреевичем, и он, чувствуя влажное касание взгляда, повел плечами, словно в температурном ознобе. «Глупости! Все будет хорошо. Я спокоен, я доволен, попробуй прошиби меня!» Он решительно пнул попавший под ноги сухой комок снега.

«Здравствуйте, Владимир Андреевич!», – закричали пацаны. «Здравствуйте. Почему раздетые? Так и заболеть недолго», – благодушно сказал Зуев. «А мы закаленные». Он шагнул в теплое нутро школы. «Здравствуйте!», – загалдели детские голоса в вестибюле. «Доброе утро!», – громко провозгласил Зуев. Поднявшись на второй этаж, он отпер кабинет английского языка и разделся, втиснув пальто с шапкой в стенной шкаф, набитый мятыми рулонами грамматических таблиц. За ночь кабинет выстудило. Владимир Андреевич пощупал холодные ребра батареи, взял из ящика учительского стола гаечный ключ 14x17, выданный директором после первых заморозков. Из-под ржавого болта, ослабленного Зуевым на несколько оборотов, с шипом рвался воздух; когда начинала пузыриться горячая вода, Зуев затягивал болт накрепко. Батареи быстро теплели.

По расписанию первыми были пятиклашки. Пока Владимир Андреевич готовился к уроку, они постепенно накапливались в кабинете и после звонка послушно стояли у парт, приветствуя учителя. Единственный класс, с которым Зуеву было легко. Одни мальчишки и девочки учились усердно, поверив Владимиру Андреевичу, что иностранный язык пригодится им для путешествий по странам и континентам; на других – лоботрясов и тугоумных – достаточно было прищипнуть, чтобы они сидели тихо, как мыши. Огрызлся только Вахрушев, башкастый рассудительный мальчик. Поначалу он получал у Зуева «пятерки», но потом рвение его угасло, и на уроках английского он стал рисовать в блокноте «войнушку». В прошлый раз, когда Владимир Андреевич наругал его за невыполнение домашних заданий, Вахрушев проворчал, краснея: «А зачем мне голову чем попало забивать? Я по-английски-то с коровами буду разговаривать?» Зуев, пребывая в подавленном настроении, не нашел, что ответить, и

вкатил Вахрушеву очередной «двойк». Сейчас, в то время, как Владимир Андреевич знакомил «пятый» с новой буквой английского алфавита, Вахрушев вновь «воевал», надувая щеки и потихоньку «стреляя» губами.

– Вахрушев, мне тебя жалко, – сказал Владимир Андреевич, прохаживаясь между рядами парт. – Если ты не будешь знать основ, значит ничего не поймешь и в следующих классах. А что тебя ждет после школы – неизвестно.

Вахрушев неохотно закрыл блокнот.

– У меня мамка с папкой живут без английского и горя не мыкают, – ответил он, краснея.

«Вдруг он и есть «гнусавый»? – подумалось Зуеву. – Нет, нет, у него слишком честные глаза».

– Ну, ты еще про бабушку с дедушкой нам расскажи, – усмехнулся Зуев. – Может, тебе вообще учиться не нужно? Ведь есть люди безграмотные и ничего – живут себе, поживают. Зачем же ты учишь, к примеру, историю, математику?

– Историю читать интересно, там про египтян да про римлян. А математика пригодится считать чего-нибудь.

– Английский, значит, не пригодится? Вот поедешь за границу по какому-нибудь делу и надо будет тебе с иностранцем поговорить, а ты ни бе, ни ме, ни кукареку...

Ребятишки захихикали.

– А я не поеду за границу, мне и в деревне делов хватает. Если что, телевизор посмотрю, – уверенно защищался Вахрушев.

– Ка-а-кой ты наивный! – Зуев засмеялся. – Да жизнь может тебя забросить туда, куда ты и не думаешь, не гадаешь! Вдруг у тебя появится возможность стать разведчиком? Вдруг предложат? Вот и сядешь ты в лужу: какой же ты разведчик без иностранного языка?

Вахрушев молчал, крутя в пальцах ручку. Для него, видимо, было открытием то, что героическая разведка имеет что-то общее со скучнейшим заучиванием английской абракадабры.

– Ребята, чтобы стать гармонично развитыми людьми, вам надо учить все, что дают в школе, – продолжил Владимир Андреевич. – И математика, и история, и английский, и другие предметы – все может в жизни пригодиться. И не слушайте тех, кого лень-матушка заела...

– Меня так и так в разведку не возьмут, – подал голос Вахрушев. – Вы вон как хорошо знаете английский, а не разведчик. Мне тем более не светит.

– Ты почему такой бестолковый-то? – Зуев в добродушном недоумении развел руками. – Разведку я просто как пример привел. Ты пойми, что будущее – это темное пятно. Невозможно предугадать, каким ты будешь после школы, чем пожелаешь заниматься, что тебе пригодится, что не пригодится. Поэтому нужно быть во всеоружии. А то сейчас проваляешь дурака, потом спохватишься да поздно будет.

– Я баранку буду крутить, как папаня, – не сдавался Вахрушев. – Схожу в армию и шофером устроюсь. В деревне народу не хватает.

– Где бы ты ни жил, в городе или в деревне, ты должен быть культурным человеком, а значит иметь представление об иностранном языке.

– Мне и так хорошо.

– Ладно, хватит. – Владимир Андреевич досадливо поморщился. – В общем, если ты будешь наплеватьски относиться к моим урокам, схлопочешь двойку за четверть. И вообще можешь на второй год остаться.

Глава 5

Учительская расположилась на втором этаже и собой перегородивала коридор, имея сквозной проход и потому две двери. Школьники нередко, чтобы попасть из одного крыла здания в другое без путешествия по первому этажу, заглядывали сюда, спрашивая разрешения пройти, а то и отчаянно, молчком прошмыгивали, делая из этого маленькое приключение. На переменах Зуев здесь отдыхал, вернее, набирался духу перед очередным уроком, словно

ныряльщик перед глубоким нырком. С жадным вниманием прислушивался к жалобам учительниц на плохое поведение какого-нибудь класса или ученика, испытывая невольное удовлетворение – ага, значит, издеваются не только над ним, молодым и неопытным... Одно обстоятельство не давало Зуеву успокоиться окончательно: ведь он был мужик, и унижение, которое могла стерпеть слабая женщина, не мог, не имел права терпеть уважающий себя мужчина. Поэтому он присматривался к братьям по полу – их было двое в традиционно бабьем педагогическом коллективе: физик Мосин, женатый на горбатенькой продавщице Вере, и сам директор школы.

Директором школы был учитель физкультуры – не молодой, но легкий и подтянутый, с атлетическим торсом под синей линиялой мастеркой. Это он определил Зуева на постой к бабе Фросе, привезя из интерната в мотоциклетной коляске полосатый матрац с комплектом постельного белья. Уж директор-то с дисциплиной проблем не имел – попробуй вякни такому, враз по шее получишь. Зуев видел, как он накрутил ухо семикласснику, который стрелял из рогатки. И ничего, без обид обошлось. Балбес из «седьмого» только морщил нос и бубнил: «Больше не буду». А если Зуев этак попробует? Обзовут за спиной похуже, чем крысой. Или прямо в глаза скажут. Конечно, как директора не уважать – он вон какой здоровый. Спортмен-универсал – и на лыжах, и в баскетболе-волейболе, и в теннисе, и в тире – ему есть, где себя показать, есть, на чем авторитет заработать.

Учитель физики Юрий Васильевич Мосин, благодаря своим внешним данным, казалось, не должен был давать скучать школьным насмешникам. И лысым его обзывай, и пузатым, и ушастиком, и очкариком, и бегемотом. Зуев, которого директор обязал присутствовать на уроке у каждого учителя, наведаясь в гости и к «физику». Намеренно на «седьмой» явился – там немало типов оторви да брось. И что же? Сидят, как миленькие, не рыпаются. Хотя многие в физике не бум-бум. Идеального поведения, естественно, не наблюдалось: шепотки, разговорчики в полголоса, бесконечная возня, но главное, что ощутил Владимир Андреевич с тоской в сердце, – в поведении охламонов не было и намека на издевку. Мосина уважали. Почему? Ладно, он добрый. Но разве Зуев злой? Нет, он тоже добрый. Тогда почему Зуев в школе мается, а Юрий Васильевич пребывает в спокойном, доброжелательном настроении, с аппетитом покуривая на переменах в учительской свои любимые сигареты «Золотое руно»? Впрочем, Владимир Андреевич догадывался, почему. Директора уважали, потому что боялись. Мосина уважали, потому что... любили, наверное. А Зуева и не боялись, и не любили. В нем разочаровались. Вот поначалу он школу впечатлил: на «инглише» во всех классах царили тишина и почтение. Они думали, что если сидеть тихо и глядеть ему в рот, то через недельку-другую свободно залопочут по-английски. Они думали, может быть, что с появлением Владимира Андреевича их жизнь закипит и будет бурлить, как она бурлит в телевизионном ящике. Еще они надеялись, что у «англичанина» под подушкой хранится большой золотой ключ. Владимир Андреевич достанет его, поведет их всей гурьбой к заветной дверце, и они очутятся в долгожданном мире чудес. Ан нет! Вместо этого их заставляют зубрить иностранные слова, об которые язык сломаешь и которых уж очень много, а если не вызубришь, то Владимир Андреевич запросто ставит двойку – и это обидно. Говорит «англичанин» на «тарабарщине» до того непонятно, что дурачком себя чувствуешь, и сперва – смешно, но потом злость разбирает. И хранит «англичанин» ключ не под подушкой, а в столе, и не золотой ключ, а стальной, гаечный – 14 на 17.

Глава 6

Класс шестой. Народу здесь вдвое больше, чем у пятиклашек, много интернатовских – из соседних деревушек, где школы только начальные. Девчонки хоть как-то стараются и кое-что учат. У мальчишек знания в английском по программе – около нуля. Главные «террористы» братья-близнецы Голубцовы в последнее время чрезвычайно донимают Владимира Андреевича. Особой злости в их проделках нет, но они рвются за партой, как два профес-

сиональных клоуна, превращая урок в цирковую хохму. «Ну и плевать», – привычно в сегодняшний день подумал Зуев.

Он открыл дверь в кабинет, дети дружно встали. Владимир Андреевич прошел к столу и, пока шел, отметил необычайное молчание «шестого». Братья Голубцовы одинаково ломали брови в нарочитой серьезности и одинаково косили на Зуева бесоватые глазки.

– Good morning! Sit down! – сказал Владимир Андреевич.

«Шестой» сел, аккуратно сложив руки на партах. Неумело скрываемые улыбочки мелькали тут и там. «Ага, опять подстроили пакость. Выжидают». Вчера подложили кнопку на стул, но это старо, как мир, и Зуев, вовремя отреагировав, устранил повод для унижающего смеха. Что же теперь? Владимир Андреевич быстро и внимательно оглядел стол, выдвинул из-под него стул – ха! На этот раз сидение было тщательно заштриховано мелом. «Ребятки, вы не оригинальны».

– Who is on duty today? – спросил он бесстрастно.

– Из Голубцовых кто-то дежурный, – крикнули в классе.

Меж братьев возникло разбирательство.

– Да разве я? Пошто я-то? – возмутился один близнец.

– Ты же слева сидишь, балда. Сначала левые дежурят. Чего выступаешь? – возмутился другой.

– Ты вчерась здесь сидел, вот и дежурь.

– То вчерась, а то седня. Не доволен, что ли?

– А ты доволен? Щас шмась сотворю!

– По тыкве давно не получал?

Начались угрожающие замахи, потом тычки в грудь, хватанья за лацканы пиджаков, и, наконец, близнецы уморительно обнялись в борцовской хватке. Один другого уцепил пальцами за ухо, раздались протяжные вопли. «Шестой» от души потешался. Владимиру Андреевичу, из которого только что пытались сделать посмешище, было не смешно. «Спокойно, Вова». Он шагнул к ближнему Голубцову, взял его за шиворот, приподнял и выдернул из-под него стул. Близнец, едва не упав, вскочил на ноги. Зуев, поменяв стулья, пихнул Голубцову свой замелованный.

– Clean the chair and sit down! Hurry up, please! – произнес спокойно Владимир Андреевич, раскрывая классный журнал.

– Кого? Какой клин? Какая харя? – спросил Голубцов.

«Шестой» взорвался хохотом.

– Слушая, кончай придуривать, – попросил Зуев. – Вытирая тряпкой стул и не мешай другим учиться.

– А-а-а! – Второй близнец злорадно показал пальцем на брата. – Давай дежурь! Хе-хе-хе, поработай, сынок, поработай...

– Не базарь, а то замочу щас!

– Мочил один, как живой перед глазами стоит.

Дежурный Голубцов с кривой улыбочкой под смешочки «шестого», взяв с доски мокрую тряпку, вытер стул. Подчинился, хотя мог бы заартачиться, и Зуев испытал чувство благодарности к непоседливому парнишке. «Надо бы его сегодня спросить и «троечку», а то и «четверку» натянуть», – подумал он.

Он велел открыть учебники и стал проверять устное домашнее задание. Спрашивал сначала отличниц в надежде, что правильные ответы настроят на рабочий лад ленивую часть класса. Прочитать и перевести – упражнение пустяшное, если, конечно, знать по программе. Близнецы одинаково одевались и были как две капли. «Как же зовут дежурного Голубцова?»

– Андрей, read, please! – кивнул Зуев.

– Чего? Я не Андрей, – всполошился дежурный Голубцов.

– I am sorry. Антон, read, please!

Антон залистал учебник. «Где? Где? Какая страница?» – завертел головой его брат. – «Восемнадцатая!» – понеслось по классу. «Упражнение-то какое?» «Второе!» Владимир Андреевич спокойно ждал.

– Ага, вот, – произнес, наконец, дежурный Голубцов и умолк.

– What's up? Read, we listen to you! – сказал Владимир Андреевич.

Дежурный Голубцов вдруг часто зашмыгал носом, лицо его исказилось в жалостливо-брезгливой гримасе, глаза закатились, нижняя губа некрасиво вывернулась, он протяжно застонал и ... разразился смачным, оглушительным чихом. «Шестой» отреагировал дружным хохотом. Зуев заставил себя улыбнуться.

– Будь здоров, Антон.

– Спасибочки, Владимир Андреевич.

– Давай читай, мне еще новый материал объяснять.

– Это мы щас.

Антон уставился в книгу, «шестой» поутих. После непонятого молчания Зуев вновь услышал знакомое подшмыгивание, теперь уже оба брата сидели со скукоженными, выразительными лицами. «Нюхнули чего-нибудь, табаку или клея сухого», – подумал Владимир Андреевич. Близнецы чихнули дуплетом, один – с подкряком, другой – с подвизгом. Номер был исполнен мастерски. Зуев предположил, что «клоуны» репетировали дома перед зеркалом. «Шестой» ревел от восторга, не хватало аплодисментов. «Почему я должен терпеть? Почему я не могу плюнуть и уйти?» – мелькнуло у Владимира Андреевича. Слова: «Заткнитесь вы все, придурки!» – кипели на кончике языка. Но Зуев сдержался, надо быть сумасшедшим, чтобы не сдержаться, – Владимиру Андреевичу не известно, какой срок придется отбывать с этими циркачами. И не нужно ему горячиться, ведь с сегодняшнего дня Владимир Андреевич – непробиваемый.

– Ладно, посмеялись и хватит, – бесстрастно произнес Зуев, когда восторги «шестого» поостыли. – С каждым такое может случиться. Только делать это надо поскромнее, и рот прикрывать ладошкой.

Дежурного Голубцова он больше не трогал – от греха подальше.

Нацепив на доску таблицы, Владимир Андреевич принялся объяснять модальные глаголы. Слушали его невнимательно, по кабинету гуляли шепотки, а то и голоса проскакивали сквозь шорохи. Когда шум усиливался до сверхнаглости, Зуев прерывал объяснение и требовал тишины, однако делать это он старался без раздражения и недовольства, ранее характерных для него в подобных случаях. Он переживал шум, с хладнокровным лицом разглядывая нарушителей дисциплины или задумчиво отворачиваясь к окну.

Новое странное поведение Владимира Андреевича обескуражило «шестой», он притих, и Зуев ощутил на себе изучающие взгляды – мол, действительно ли «англичанину» все равно или притворяется? В относительно спокойной обстановке Владимир Андреевич успел рассказать по плану почти все о модальных глаголах, когда «шестой» предпринял попытку вернуть Зуева в обычное состояние – шум вновь усилился. Теперь сколько Владимир Андреевич демонстративно ни молчал, на него не обращали внимания. Братья Голубцовы затеяли потасовку с девочками с соседней задней парты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.